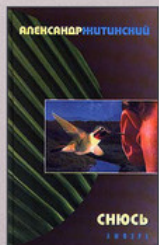

Александр Житинский

Хеопс и Нефертити

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Николаевич Житинский

Хеопс и Нефертити

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170927

Аннотация

«В детстве я мечтал стать ветеринарным врачом. Желание, прямо скажем, необычное для мальчика. Да и для девочки тоже. Как правило в нежном возрасте влечет к подвигам. Хочется что-нибудь покорить, куда-нибудь взобраться и долго не слезать оттуда или же выслеживать закоренелых преступников...»

Содержание

Бессловесная тварь	4
Новая тема	14
Кембридж	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Житинский

Хеопс и Нефертити

Бессловесная тварь

В детстве я мечтал стать ветеринарным врачом. Желание, прямо скажем, необычное для мальчика. Да и для девочки тоже. Как правило в нежном возрасте влечет к подвигам. Хочется что-нибудь покорить, куда-нибудь взобраться и долго не слезать оттуда или же выслеживать закоренелых преступников.

Я любил животных, в особенности зверей, и имел несамостоятельный характер. Сейчас я объясню, как связаны между собой эти качества.

Начнем с несамостоятельности.

Когда мне говорят «иди» – я иду. «Стой» – я стою. Я стараюсь идти в ногу и стоять в строю не шелохнувшись. Это совсем не означает, что мне так хочется. Но выделяться я не могу. Мне кажется это постыдным. Когда кто-нибудь поблизости выделяется, я завидую ему, но мне за него неудобно. Например, петь в одиночку перед людьми, считая, что у тебя красивый голос, – это заманчиво, но стыдно. Я всегда пою в хоре.

Мама говорила, что я привык ходить на поводу.

Между прочим, она сама сконструировала мне этот поводок и успешно им пользовалась до недавнего времени. Моя мама обладает непреклонным характером и стальной волей. Именно потому, как я теперь понимаю, она рассталась с папой, когда мне было семь лет. Моя мама – художница. Она работает с тканями. Из цветных лоскутков она создает замечательные полотна – портреты друзей, натюрморты и батальные сцены. Она шьет их на машинке. Портреты и натюрморты забирают друзья, а батальные сцены висят на стене в маминей комнате и пылятся. Я раз в месяц чищу их пылесосом. Мама считает, что творчество должно быть свободным и независимым. Всякая помеха ему рассматривается мамой как выпад против ее личности.

С семи лет я мою посуду. С двенадцати – готовлю обеды и стираю. Раньше это делал папа. Промежуток в пять лет между мойкой посуды и стиркой, когда папа ушел вести хозяйство к другой жене, я вспоминать не люблю. Мама сидела за швейной машинкой, прострачивая батальные сцены, а я жарил яичницы – по три сковородки в день – и осваивал стиральную машину.

В общем, я шел на поводу у мамы.

Другими словами, я чувствовал себя безответным щенком, попавшим в умелые руки дрессировщицы. Понятна теперь моя любовь и привязанность к собакам, а потом уже и ко всем бессловесным тварям – лошадям, коровам, козам, зайцам, медведям, тиграм, слонам, крокодилам и жирафам.

Я сам был бессловесной тварью. Я мало и редко говорил, а если говорил, то неубедительно и неумело. Я не любил говорить.

Звери понимают друг друга без слов. Поразительны единение и организованность звериного стада! Представьте себе, что они стали бы дискутировать, дебатировать и декларировать. Они бы просто погибли.

Звери также не умеют врать.

Поэт Есенин когда-то назвал зверей «меньшими братьями» и сообщил, что он никогда не бил их по голове, хотя такая постановка вопроса меня лично удивляет. Почему их непременно нужно бить по голове? На самом деле они наши старшие братья. И эволюционно, и нравственно. А меньшие и изворотливые братья – это мы. Впрочем, стихи, безусловно, прекрасные.

Только в одном случае я жалею о том, что звери лишены языка. Они не могут пожаловаться на боль. Звери тоже болеют, но лечить их трудно.

У льва болит зуб, но знает об этом один лев. Дрессировщик об этом не знает. Он видит, что со львом что-то неладное, и дает ему лекарство от желудка. И лев мучается дополнительно.

Вот почему в детстве меня тянуло в ветеринарные врачи. Я посещал кружок биологии, которым руководил Аветик Вартанович Папазян. Он был похож на грустного бегемота – с маленькими черными глазами, с большим животом

и синеватыми круглыми щеками. Из недр Папазяна исторгались шумные вздохи. Папазян был одинок и неухожен. Мы выращивали морских свинок в огромных количествах. Кроме свинок, мы увлекались хомяками, черепахами и аквариумными рыбками. Папазян брал черепаху короткими волосатыми пальцами и клал себе на живот. Черепаха ползала по животу Папазяна, как по земному шару, пока Аветик Варганович сидел не шевелясь, откинувшись на стуле. Потом Папазян крупно вздыхал, напоминая черепахе землетрясение, и говорил с удивительной нежностью старого армянина:

– Черепаха слышит тепло...

И мы тоже слышали тепло Папазяна. Между собой мы звали его папой Зяном. Папазян был одинок вдвойне – у него не было жены, а родная Армения находилась так далеко, что черепаха не доползла бы до нее за всю свою жизнь. А живут черепахи долго.

Получилось так, что Аветик Варганович в некотором смысле заменил мне отца, сбежавшего от стрекотания маминной творческой машинки. Одно время мне хотелось, чтобы мама вышла за него замуж. Я даже познакомил их. На следующий день мама мне сказала:

– От него пахнет морской свинкой.

И я понял, что мой номер не удался. Хотя морские свинки не пахнут. Кошки пахнут значительно хуже. Моя мама из всех животных признает только кошек. Может быть, поэтому я их не люблю – единственных из всех зверей. Таким об-

разом, если выразаться математически, я люблю все множество зверей, исключая одну точку – кошек. Эту точку любит мама. Значит, мы с мамой любим все множество.

Эту несложную теорему я ощущаю на своей шкуре каждодневно. В эпоху папы у нас было две кошки. После него появился еще кот, которого мама в память об ушедшем папе назвала Пуританином. У мамы странный юмор. Она считала папу излишне аккуратным и благовоспитанным. Ее удивляло, что он страдал от обилия цветных пыльных тряпок.

К сожалению, эта папина черта передалась мне.

Так или иначе, я каждый день ухаживаю за престарелым Пуританином и кормлю его, испытывая смешанное чувство жалости и неприязни. Мама при всей своей любви не знает, чем и как питается Пуританин. Она любит лежать с ним на тахте и чесать ему белое брюхо.

Я никогда не выражал своего недовольства. Оно утопало во мне вместе с внутренними криками о помощи.

Кстати, я не сообщил о себе самого главного. Меня зовут Тихон.

Как я ненавидал это имя! Как я ненавидал себя – тихую бессловесную тварь!

Имя мне, естественно, выбрала мама. Она решила, что так будет просто и оригинально – Тихон. Она была права: я ни разу не встречал живого человека с таким именем. Только в литературе прошлого века. Так я и жил с маминой оригинальностью. Можете себе представить, каково мне приходи-

лось. Вообразите хотя бы на минуту, что вас зовут Тихон, – и прощай ваша судьба, ваше счастье и надежды. Прощай все!

Мало того, мама не дала мне отцовской фамилии, а присвоила свою. Конечно, фамилия у отца была не очень благозвучная – Ворсиков. Мама сказала, что Тихон Ворсиков – это вызывающе смешно, это неблагоприятно отразится на судьбе и может привести к несчастью. В результате она подарила мне свою роскошную дворянскую фамилию, хотя я полагаю, что Тихон Первозванский – это еще хуже, чем Тихон Ворсиков. Чувствуется неумелая и жалкая попытка переломить судьбу. Таким идиотским способом ее не сломаешь, я уже знаю.

Так я и жил Тихоном Первозванским, непрерывно помня, что я – Тихон Ворсиков.

Не стоит и говорить, что моя любовь к животным от этого только крепла. Они тоже не выбирают себе имя, а носят то, что дают.

Также не буду говорить о том, каким страданиям я подвергался в школе, нося такое имя. Даже учителя не могли скрыть улыбку, знакомясь со мною. Мои сотоварищи не улыбались. Они глумились. Ну скажите – что смешного в имени Тихон? Юмора здесь не больше, чем в Михаиле, к примеру. Вдумайтесь только – Миха-ил! Это же почище Тихона будет! Однако над Михаилами никто не смеется. Они законны и уважаемы.

Но если бы дело ограничилось именем и фамилией! Ма-

ма выбрала мне и профессию. О ветеринарстве речи быть не могло. Мама не хотела слышать о ветеринарах. Даже нейтральная профессия биолога не устраивала маму, помнившую о Папазяне. Поскольку она считала, что творческими талантами я пошел в своего папу Ворсикова, то есть был лишен их начисто, то предложила мне модную в то время специальность кибернетика. Мама довольно приблизительно представляла себе ее сущность, но слышала по радио, что кибернетики занимают передовые рубежи науки. И мама, не дрогнув, послала меня на эти рубежи, когда я без блеска закончил школу.

Теперь вы понимаете, почему я иногда выражаю свои мысли математическим языком.

Мне удалось слегка обмануть маму, выбрав оригинальную область кибернетики, называемую бионикой. Мама клюнула на оригинальность и пропустила мимо ушей биологический корень названия этой науки. Таким образом я стал биоником, хотя до сих пор не знаю, что это такое. Согласно официальным представлениям, бионика – это наука, изучающая процессы управления и связи в живых организмах и применяющая их принципы на практике.

Возможно, это и так. Но после окончания института я поступил работать в конструкторское бюро инженером-конструктором и стал собирать схемы и настраивать их. Общим изучением летучих мышей, пчел и бабочек занималось начальство, я доводил до ума техническое воплощение отдель-

ных органов. Скажем, схему, имитирующую работу хоботка пчелы. Хоботок собирались применить для лабораторных анализов пыльцы различных растений. Техническое воплощение всей пчелы занимало несколько железных шкафов. Мой хоботок один весил пять килограммов и работал средненько – на уровне ординарной пчелы.

Надо сказать, что в нашем небольшом городе есть две крупные достопримечательности. Это наше конструкторское бюро кибернетики и бионики – сокращенно КБКБ, или КБ-квадрат, так мы его называем, и большой зоологический сад, именуемый также зоологическим парком. Зоопарк достался в наследство от прошлых времен. Он был основан одним известным зоологом, уроженцем нашего города. За последние годы зоопарк вырос и расширился. Ассортимент животных, как выражаются в местной прессе, значительно пополнился. У нас есть даже австралийский медведь коала.

Вероятно, КБ-квадрат возникло в нашем городе не случайно. Было принято во внимание, что зоопарк послужит базой для изысканий в области бионики. Наблюдая за поведением австралийского медведя и гималайских тигров, молодые бионики могли извлечь пользу для науки.

Начальником КБ-квадрат со дня его основания был Карл Карлович Монзиевский. На манер французских королей он носил неофициальный титул Непредсказуемый, благодаря особенностям своего характера и творческого гения.

После окончания института в Москве, где я несколько от-

дохнул от Пуританина и маминой машинки, я распределился в родной город и поступил под начало Карла Карловича. Хоботок пчелы был моей первой научной победой.

Я узнал, что директором зоопарка в мое отсутствие стал Аветик Вартанович Папазян. Я часто ходил смотреть зверей из интереса и по долгу службы, но к Папазяну не заглядывал. Я опасался, что он меня не помнит, а если помнит, то вкупе с мамой, чего мне бы не хотелось. Прошло десять лет с тех пор, как я посещал биологический кружок.

Вернувшись домой, я снова стал жить с мамой и кошками в нашей старой коммунальной квартире. Мы занимаем две комнаты, а в остальных двух живут старый бухгалтер Иван Петрович Грач и молодая продавщица гастронома Лидия, фамилии которой я узнать не успел. Она появилась в квартире после того, как у Ивана Петровича умерла жена и его слегка уплотнили.

В квартире более или менее спокойно. Комнаты большие, с высоченными потолками. Коридор широкий. Соседи относятся к нам сносно.

Бухгалтер Грач любит наших кошек, а Лидия бывает дома преимущественно по ночам, причем чувствуется, что проблемы кошек в это время от нее далеки.

Я еще не женился. Я ждал, когда скажет мама. Пока она говорила, что рановато. Нужно опереться и встать на ноги. Таким образом, я продолжал идти на поводу у мамы. Я ухаживал за кошками и не ухаживал за девушками. Я успокаивал

вал себя тем, что еще успею.

Теперь я сообщил все необходимые и достаточные условия, чтобы начать рассказ о той истории, которая взбудоражила не только КБ-квадрат и нашу квартиру, но и весь наш небольшой старинный городок.

Новая тема

Я проработал в КБ-квадрат полтора года, и тема «Пчела» себя окончательно исчерпала. Мы выжали из нее все возможное. Наш имитатор пчелы в трех железных шкафах давал мед, нектар и воск, а также производил анализ пыльцы. В отличие от пчел, он не летал и не роился, но гудел, как сто тысяч пчел, а также грелся. Каждое утро мы загружали в приемный бункер тонну полевых цветов, из которых устройство изготавливало мед. Было подсчитано, что имитатор окупит себя за семьдесят шесть лет.

Начальство, как водится, получило денежную премию, но государственной не дали. На совещании Карл Карлович сказал, что пришла пора укрупнять тематику. Его потянуло на орден.

Однако плодотворной идеи не было. Месяцев пять мы хватались за всякую халтуру – делали автоматическую змею, заменявшую медицинскую сестру, и соловья, управляемого по радио. Заправленная антибиотиками змея ползала в местной больнице и делала уколы больным, а соловей пел в приемной председателя горисполкома.

Вскоре от больных стали поступать жалобы. Змея пугала их значительно больше медсестры своим бесшумным подползанием и произвольным выбором места укола. Соловей работал исправно.

До рядовых работников КБ-квадрат стали доходить слухи. Они спускались сверху, как летающие тарелки, и были такими же загадочными. Говорили, что министерство отвалило организации три миллиона на разработку принципиально новой темы.

Карл дважды летал в Москву, а потом выступил на общем собрании коллектива.

– Нам поручена новая ответственная тема, – сказал Непредсказуемый. – Вы понимаете, что я не могу во всеуслышание вдаваться в подробности и оглашать характер будущей работы. Отделы и лаборатории получают технические задания и будут работать по ним. Скажу только, что потребуются принципиально новые решения, а сроки сжатые...

Ну, сроки всегда сжатые. Это мы понимали.

– Как называется тема? – спросили с места.

– Мы решили дать ей кодовое название «Нефертити», – сказал Карл с таким видом, будто сообщал нам государственную тайну. – Вы помните, была такая древнегреческая царица...

– Древнеегипетская! – выкрикнул тот же голос, что спрашивал о теме.

– Возможно... Так вот, была такая греческая царица необыкновенной красоты. Этим кодовым названием мы хотели подчеркнуть, что вопросы технической эстетики будут играть очень серьезную роль при разработке новой темы.

– А что она будет делать, эта Нефертити? – снова спросил

дотошный голос. Тут я разглядел его обладателя. Это был начальник отдела третьих сигнальных систем Елеходов. Он в свое время открыл эти системы и стал руководителем направления.

– Машина будет делать все, что предусмотрено министерством, – сказал Карл. – А если понадобится, и больше.

Если бы Непредсказуемый знал, насколько он был близок к истине, говоря последние слова!

На этом собрание закончилось, и все разошлись заинтригованные. Было ясно, что надо делать красивую машину, но не более.

Блок-схему машины и технические задания на отдельные узлы и блоки разработал сам Карл. Нам были спущены параметры элементов, характеристики сигналов на входе и выходе и габариты.

Наша группа занялась узлом, представлявшим собою по внешнему виду довольно объемистый цилиндр с диаметром основания сантиметров пятьдесят и высотой около полутора метров. Цилиндр должен был испытывать большие нагрузки на сжатие – около тонны. В днище цилиндра размещались датчики, от которых шли вверх разные сети – энергетическая, сигнальная и обратной связи.

Мы стали гадать, что это такое.

– Элемент дождевого червя, только в увеличении, – сказал Мыльников. – Структура однородная, органов слуха и зрения нет.

– А зачем? – спросил я.

– Рыть туннели для прокладки кабелей, – предположил Мыльников. – Сопротивление почвы большое, отсюда нагрузки.

– Ерунда! – сказал я. – Это осязательный усик бабочки.

– Вот так усик! – сказал Андрюша. – Ничего вы, мужики, не петрите в бионике. Это обыкновенное дерево. Мы занимаемся нижней частью ствола. С деревьями сейчас туго, нужно снабжать атмосферу кислородом.

– Похоже, он прав, – задумчиво сказал Мыльников. – Запустим в серию и будем сажать в крупных городах. Поэтому требуется эстетика.

И мы сошлись на том, что делаем дерево. Через пару недель прислали дополнение к ТЗ. Выяснилось, что в середину цилиндра требуется вставить шарнирное сочленение. Сначала о нем забыли. Версия дерева оказалась под угрозой, но Андрюша ее спас.

– Дереву нужно гнуться под ветром и шелестеть листвою, – сказал он. – В конце концов, это не телеграфный столб.

Мы молчаливо согласились, потому что других версий просто не было. Попутно мы осторожно стали выяснять в курилке, кто чем занимается. Это было запрещено, но любопытство сильнее инструкций.

Лаборатория № 13 делала что-то длинное и гибкое с сетями внутри.

Отдел первых сигнальных систем – вернее, та его часть,

что находилась на нашем этаже, – занимался плоским эластичным элементом размером с наволочку.

Мы решили, что это соответственно корни и листья будущего дерева «Нефертити».

– Красотища! – сказал Андрюша. – Ты представляешь, какие лопухи будут на ветках. Сколько кислорода! Как они будут шелестеть!

– Ты сам поменьше шелести, – сказал Мыльников.

Остальные отделы и лаборатории занимали другие этажи, куда доступа мы не имели. КБ у нас десятиэтажное. Это самое крупное здание в городе. Оно даже выше церкви. Его видно из любой точки города. Второй этаж административный, на него может попасть каждый сотрудник. Остальные этажи закрыты для посторонних. Стали мы лепить нижнюю часть ствола. Андрюша занимался датчиками, Мыльников продумывал общую компоновку, а я рассчитывал сети.

Прошло около месяца. Наш этаж благодаря убеждениям Андрюши окончательно уверился в том, что «Нефертити» – искусственное дерево. Между собой мы называли инженеров лаборатории № 13 «корневиками», первосигнальщиков – «листовиками», мы же именовались «ствольниками».

Непредсказуемый заходил к нам несколько раз и интересовался ходом работы. Он появлялся в своей обычной манере – будто конденсировался из воздуха. Только что никого не было – и вдруг рядом с трансформатором высокого напряжения стоит Карл. Но мы к этим штучкам привыкли и уже

не удивлялись. Монзиевский без лишних слов брал схему и оглядывал ее сверху вниз и слева направо в течение пяти секунд. Так разведчик запечатлевает в памяти документ.

– Вот здесь необходимо V-образное сочленение, – говорил он, тыкая ногтем мизинца в схему, и испарялся. Мы даже не успевали расспросить подробнее, но потом убеждались, что Карл прав.

Лишь однажды Андрюша успел крикнуть вслед исчезающему Карлу:

– Карл Карлович, а кто занимается корой?

Тонкий вопрос! Андрюша хотел показать, что нам уже известно о дереве, и продемонстрировать догадливость. Будто нас мучает только один вопрос – кто занимается корой нашего ствола.

Карл слегка сгустился и строго спросил:

– Откуда вам известно о коре больших полушарий?

Андрюша застыл с открытым ртом.

– Древесная кора... – залепетал он. – Покрытие нашего ствола...

Непредсказуемый радостно взвизгнул – он таким образом смеялся – и исчез окончательно. Больше мы его не видели.

На некоторое время меня отвлекли домашние дела, и я перестал непрерывно думать о Нефертити.

Дело в том, что Иван Петрович Грач стал активно ухаживать за мамой посредством кошек. Пуританин перешел на его довольствие. Грач кормил его и расчесывал гребнем.

Пуританин залоснился и приобрел вальяжный вид. Иван Петрович стал подпускать кота к маме, повязывая ему на шею красный бант. Мама, равнодушная к любым цветным тряпкам, полюбила Пуританина еще больше и стала переносить внимание на Ивана Петровича. Однажды я застал их вечером пьющими чай в комнате старика. После того как Грача уплотнили, комната стала напоминать мебельный антикварный магазин. В центре стоял рояль, вокруг которого вилось небольшое ущелье, образованное стенками рояля и разной мебелью. От ущелья шли вбок тупички, оканчивающиеся телевизором, кроватью, на которой спал Грач, и настенной аптечкой.

Мама и бухгалтер пили чай на рояле. Тут же возлежал Пуританин с красным бантом, как участник демонстрации. Рояль был застелен скатертью. Я вошел и тоже устроился за роялем. Мы напоминали певцов на спевке.

– Я бухгалтер. Я привык оперировать цифрами, – говорил Иван Петрович. – Мне шестьдесят пять лет, а вам пятьдесят четыре...

– Ну зачем же такая точность?.. – недовольно сказала мама.

– А как же без точности? – удивился бухгалтер. – Без точности никак нельзя... Значит, я говорю, что мне шестьдесят пять, а вам...

– Да-да! И что же?.. – перебила его мама.

– Цифры говорят за себя, – сказал Грач и умолк.

Мама, вероятно, так не считала. Она решила перевести разговор на другую тему.

– Сын, что у тебя на службе? – спросила она.

Она всегда обращается ко мне со словом «сын», а работу называет службой. Непонятно, зачем ей потребовалось обзывать меня Тихоном, если она не пользуется этим именем.

– Начали новую тему. «Нефертити» называется, – сообщил я.

– Сын, ты не разглашаешь тайны? – торжественно спросила мама.

– Если бы я ее знал... – вздохнул я.

– Ваша площадь восемнадцать метров, а моя – двадцать шесть. Цифры говорят за себя, – бубнил Грач.

– У вас один рояль, а у нас ноль роялей, – сказал я.

– Цифры – великая вещь, – поддержал бухгалтер.

Пуританин задремал от содержательности разговора. Мы с мамой допили чай и ушли. Мама в задумчивости села за машинку и стала шить натюрморт.

– Мама, сшей портрет Нефертити, – попросил я.

– Что значит – сшей? – возмутилась мама. – Я не портниха. Иван Петрович тоже хорош! Сегодня он назвал мои работы ковриками. Правда, потом он долго извинялся...

Но она все же убрала натюрморт из-под иглы и за полчаса сшила мне красивый коврик с изображением Нефертити, который я на следующий день повесил над своим рабочим столом.

Только я это сделал, как прибежал Андрюша. Он был страшно возбужден.

– Я узнал, что седьмой этаж делает глаза! – выпалил он. – Отдел сенсорных элементов. Типичные глаза – сетчатка, колбочки. И заметьте – глаза миниатюрные.

– Дерево с глазами? – спросил Мыльников. – Ты не напутал?

– Да! Дерево с глазами, с пищеварительной системой и сердцем. Энергетики на четвертом этаже делают насос.

– Откуда ты знаешь?

– Я вчера дежурил в дружине с их ребятами. Они убеждены, что Нефертити – это кит. Автономная морская лаборатория.

– А ствол?

– Вот и я им говорю: «А ствол? А наш цилиндр? Зачем они киту?.. А корни, листья?» Они задумались.

– Это какое-то животное, – сказал Мыльников.

– Какой толк от животного? – возразил Андрюша. – Я понимаю: пчела дает мед. Червяк роет туннели. Что полезного можно получить от животного?

– Корова дает молоко. И мясо, – сказал Мыльников.

– Ты будешь есть мясо из микромодулей? – спросил Андрюша. – Нет, на корову явно не похоже. Где рога и копыта? Где хвост, наконец?

– Где у коровы хвост? – мрачно изрек Мыльников.

Я взглянул на портрет Нефертити. Гордая тряпичная жен-

щина смотрела куда-то вбок, сквозь стену. Я подумал о животных и людях. Интересно, как рассуждают о нас звери? Неужели они тоже относятся к нам прагматически? Весьма возможно... Только, конечно, с точки зрения не наибольшей пользы, а наименьшего вреда. Одна порода людей делает меньше зла, а от другой хорошего не жди. Мы принадлежали к последним. Мы старались поставить себе на службу все самое лучшее, что есть у животных. По какому праву? Кто нам это разрешил?

Значит, Нефертити – зверь... Но какой?..

Кембридж

В скором времени мы закончили проектирование цилиндра и стали собирать опытный образец. Потребовались микромодули. Я был командирован на административный этаж с заявкой. Подписал ее у главного инженера, в бухгалтерии и отнес в дальний конец коридора, где размещался отдел снабжения. Возвращаясь обратно, я наткнулся на Кембриджа.

С Олегом Кембриджем мы учились в школе. Он рано обнаружил творческие задатки в области ваяния. В пятом – седьмом классах Кембридж был с ног до головы в пластилине. С ним опасно было общаться. Он лепил из пластилина портреты учителей и приклеивал их к учительскому столу. Кембридж в то время работал в экспрессионистской манере, за что получал тройки по поведению. В старших классах он перешел на гипс и начал рубить камень. После окончания школы Кембридж уехал учиться в Ленинград, и я больше с ним не встречался.

Я знал, что он тоже вернулся потом в родной город, завел мастерскую и продолжал лепить скульптуры. Некоторые из них я видел в зоопарке. Это были гипсовые, крашенные масляной краской антилопы, львы и медведи. На каждой скульптуре внизу, на ноге или хвосте, было глубоко вытиснено латинским шрифтом «O. Cambridge». Олег гордился своей английской фамилией еще в школе. Он всегда любил выделять-

ся.

Короче говоря, я встретил Кембриджа, выходящего из приемной Карла Непредсказуемого с бумажным свертком под мышкой, перевязанным шпагатом. Сверток имел неправильную форму.

Кембридж был в джинсовом костюме фирмы «Lee», в зубах держал толстую изогнутую трубку фирмы «Dunhill». Названия фирм я узнал от него позже.

– Привет, Олег! Ты что здесь делаешь? – спросил я.

– А-а... Тиша... – сказал Кембридж, не вынимая трубку изо рта. – Так ты тоже в этой конторе? Мерзейшее у вас начальство!

Кембридж был явно чем-то недоволен. Я тактично промолчал о начальстве.

– Зачем ты здесь? – снова спросил я.

– Тс-с! – прошипел Кембридж. – Военная тайна. Выполняю заказ... Слушай, будь другом, зайди ко мне сегодня. Мне нужно с тобой поговорить.

Он дал адрес мастерской и пошел вразвалку по коридору, унося сверток.

Вечером я пошел к нему. Мастерская Кембриджа занимала просторную мансарду старинного особняка. На стенах висели иконы, на полу валялись куски гипса. В углу под холстиной возвышалась какая-то скульптура. На столе стояла выполненная из глины фигура, отдаленно напоминающая слона.

– Полюбуйся! – сказал Кембридж, указывая на фигуру. –

Что это такое, по-твоему?

– Вроде слон... – неуверенно сказал я.

– Да не вроде, а слон! – недовольно сказал Кембридж. –

Самый натуральный слон.

– Ну, не такой уж натуральный. Хобот слишком длинный, ноги тонковаты, а уши у слона не такой формы.

– А мне плевать, какие у слона уши! – закричал Кембридж, впадая в ярость. – Если ты такой же натуралист, как ваш Карл, то можешь проваливать! Ты посмотри на пропорции! Это же не слон, а лань! Легкость линий, изящество!

– Ты объясни, я не понимаю, – сказал я. – А потом уже я буду проваливать.

– Ладно, оставайся, – проворчал Кембридж и стал набивать трубку.

Он попыттел дымком и начал рассказывать.

– Понимаешь, пригласил меня ваш Карл. Так, мол, и так, можете ли вылепить слона в натуральную величину? Это мне! Слышал! – снова завелся Кембридж. – «Могу в любую величину», – говорю. «Сделайте в натуральную. Сляпайте, – говорит, – нам красивого слона, а мы вам заплатим. Только сначала маленький эскизик на утверждение». – «Зачем вам слон?» – спрашиваю. «Да у нас новая работа, – говорит, – связанная со слонами. Только это между нами, понимаете?»

«Господи! Как просто! Слон!.. Ну конечно же, слон», – пронеслось у меня в голове.

– Ну, принес я ему сегодня эскиз, – продолжал Кембридж. – Не принял. Попросил переделать в сторону улучшения. Чтобы было не отличить от настоящего. Я думал, ему искусство требуется. Старался подчеркнуть идею слона. Посмотри, какой хобот потрясающий!.. Слушай, Тиша, зачем вам слон? Куда вы его собираетесь ставить? В приемной начальника? В бюро пропусков? Что за бредятина?

Я спокойно выслушал Кембриджа и спросил, зачем он меня позвал.

– Хотел узнать, зачем я это делаю. Может, это меня на толкнет на образ.

– Понимаешь, я сам только что узнал, что у нас работа связана со слонами.

Кембридж только присвистнул.

– Ну и контора!.. Ладно, пошли в зоопарк. Мне одному неохота. Заодно расскажешь про слонов. Буду вдохновляться... Ты ведь у нас в школе первым был по этой части.

И я пошел с Кембриджем, потому что, когда мне говорят: «иди», – я иду.

Мы пришли в зоопарк незадолго до закрытия.

Я повел Кембриджа к слону, рассказывая Олегу все, что знал о слонах. Слон у нас в зоопарке был один. Его звали Хеопс. Это был старый африканский слон, которого я помнил с детских лет.

Хеопс жил в просторном вольере, огороженном широкой полоской торчащих вверх железных шипов. В углу стоял дом

с крышей, где Хеопс прятался от ненастья и жил зимой.

У вольера Хеопса посетителей было мало, как и во всем зоопарке.

Мы подошли к ограждению, и я вынул из портфеля купленный по дороге батон. Увидев батон, Хеопс медленно двинулся к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.